

Исторический вестник. Сакральная география Ближнего Востока. 2024. Т. XLVIII.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.007

С.А. Кириллина

ЕГИПЕТСКИЙ ПАЛОМНИЧЕСКИЙ МАРШРУТ (ДАРЬ АЛ-ХАДЖ АЛ-МИСРИЙ) — КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ МИРА ИСЛАМА (XVII–XVIII вв.)

Адепты мировых религий издавна воспринимали свои святыни как центры мироздания. Для последователей христианства таковым являлся Святой град Иерусалим с храмом Гроба Господня¹, а для мусульман это была Мекка с главным святилищем ислама Каабой, которую мусульманские картографы помещали в центр мира. Это наглядно демонстрируют круглые карты — *таррае тунди* прославленного арабского географа XII в., уроженца дальнего Магриба Мухаммада ал-Идриси² и его собрата из Сирии, арабского ученого первой половины XIV в. Ибн ал-Варди³. Именно в святыне места Западной Аравии ежегодно устрем-

¹ Ярким примером этому служит Эбсторфская карта мира (ок. 1234 г.), авторство которой приписывается Гервасию Тильберийскому, настоятелю Эбсторфского монастыря близ г. Люнебург (Германия). В самой сердцевине карты располагается Иерусалим с изображением восстающего из Гроба Иисуса Христа.

² Мухаммад ал-Идриси (ок. 1100–1165) — автор географического сочинения «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир»), заказанного королем Сицилии Роджером II (правил в 1130–1154 гг.).

³ В центре круглой *тарра тунди* из географического трактата Ибн ал-Варди (ум. в 1349 г.) «Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-гараиб» («Жемчужина чудес и перл диковин») помещены *Макка Мукаррама* (Мекка Благородная) и *Мадина Мунав-*

ляются массы правоверных для совершения ритуалов хаджа — одного из пяти столпов ислама.

Чтобы представить традиционное восприятие сердцевины картины мира ислама, воспользуемся ее вербальным, насыщенным символикой изображением, принадлежащим перу мединского богослова и неутомимого путешественника первой половины XVII в. Мухаммада Кибрита. Аравийскому теологу мир ислама виделся как птица в полете. Ее голова маркирует Мекку и Медину, правое крыло устремлено в сторону Ирака, левое — Индии и Китая, дугообразный хвост простирается до Магриба, сердце же находится в Сирии и Египте⁴. Эта яркая метафора выводит нас на значимость египетского паломнического маршрута (*дарб ал-хадж ал-мисрий*), который на протяжении столетий представлял собой одно из ключевых звеньев сакральной географии мусульманского мира.

В Средние века сложилась разветвленная сеть паломнических путей — *дуруб ал-хадж*, которые с четырех сторон света вели к *ал-харамайн аш-шарифайн* — «двум священным запретным городам» Мекке и Медине. Среди сухопутных паломнических треков выделялись пять: иракский, или «пути Зубайды» (*дарб Зубайда*)⁵, сирийский, известный как «путь султана» (*ад-дарб ас-султаный*), йеменский, оманский, а также египетский (*дарб ал-хадж ал-мисрий*).

Удобное географическое расположение Египта на перекрестке торговых путей в Хиджаз⁶ благоприятствовало развитию паломнического движения. Начало оформления египетского паломнического маршрута со стартовым пунктом в Каире относится к ранним исламским временам, когда на нем появились первые караванные стоянки. Однако

вара (Медина Пресветлая). На картах ал-Идриси и Ибн ал-Варди юг находится сверху, а север — снизу, и чтобы адаптировать их для европейского восприятия, их нужно перевернуть.

⁴ Данное символическое описание мироздания, содержащееся в трактате Мухаммада Кибрита (ум. в 1659 г.) «Рихлат аш-шита' ва-с-сайф» («Путешествие зимой и летом»), почерпнуто из: Краюшкин Н.Р. Система культурно-интеллектуального обмена в арабо-мусульманском мире XVII — начала XVIII в. (на примере творчества 'Абд ал-Гани ан-Наблуси). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2020. С. 134.

⁵ Назван так в честь Зубайды бинт Джа'фар (ум. в 831 г.) — жены аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (правил в 786–809 гг.), которая прославилась своей благотворительностью и прежде всего финансированием обустройства паломнического маршрута из Багдада в святые земли ислама путем строительства караван-сараев и улучшения организации водоснабжения паломников.

⁶ Хиджаз — горная цепь и одноименная историческая область на западе Аравии.

«Перевернутая» карта мира Мухаммада ал-Идриси (ок. 1100–1165). Реконструкция

большинство опорных пунктов (*маназил*, ед. ч. *манзил*) были основаны в эпоху мамлюков (1250–1517 гг.). К началу XIII в., когда еще на сирийском пути хаджа паломники довольствовались защитой и комфортом лишь в нескольких укрепленных пунктах, египетский маршрут был уже оснащен жизненно важными форпостами с хранилищами запасов воды.

В 1267/68 г. мамлюкский султан аз-Захир Бейбарс из династии Бахритов (на престоле с 1260 по 1277 г.) провел реорганизацию и упорядочивание египетского паломнического каравана (*ракб ал-хадж ал-мисрий*), двигавшегося в Мекку через Синайский полуостров. Ему также приписывается установление в 1272 или 1277 г. традиции посылки из Каира в Мекку специального ритуального атрибута — *махмала* (араб. паланкин, носилки), который воспринимался как своеобразная эмблема султанской власти.

По другой версии, этот обычай восходит к периоду правления Шаджарат ад-Дурр (ум. в 1257 г.), любимой жены аййубидского султана ас-Салиха Наджм ад-Дина (правил в 1240–1249 гг.), патронессы зодчества и единственной женщины, занимавшей египетский трон, правда всего в течение трех месяцев (1250 г.)⁷. Согласно легенде, она совершила хадж в роскошном *худаге* — крытом паланкине, затем в течение не-

⁷ О ней см.: *Ruggles D.F. Tree of Pearls: The Extraordinary Architectural Patronage of the 13th-Century Egyptian Slave-Queen Shajar al-Durr*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

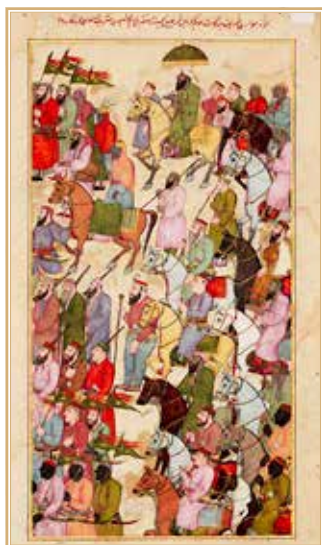
Карта мира Ибн ал-Варди (ум. в 1349 г.). Копия XVII в.

скольких лет ее пустой паланкин отправляли с паломническим караваном в Хиджаз от имени государства, а последующие правители Египта продолжили посылку в Мекку крытых носилок (*махмал*)⁸. Для рядовых египтян он символизировал Каабу, и считалось, что прикосновение к этой своеобразной святыне приносит благословение Аллаха.

Для сильных мира сего *махмал* означал нечто большее: акт посылки этого ритуального атрибута в святыне земли ислама воплощал их притязания на суверенитет над священными городами — Меккой и Мединой. Не случайно один из стихотворцев османской поры цветисто воспел непреходящую значимость *махмала* для египтян: «Счастливым Египет, ему нет подобного; здесь три наслаждения и удовольствия: шествия султана, разлив Нила и *махмал* с дарами в день, когда его несут»⁹. Всего

⁸ Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века / Пер. с англ. А.С. Раппопорт. М.: Наука, 1982. С. 344, 430–431. Согласно описанию египетского историка, знатока обычаев египтян Ахмада Амина (1886–1954), *махмал* османского образца представлял собой деревянное сооружение пирамидальной формы, установленное на квадратной раме. Он покрывался чехлом из шелка, богато расшитым золотом и окаймленным бахромой. На ткань наносились коранические надписи и изысканные орнаменты. По углам *махмала* были установлены четыре шпилья из позолоченного серебра. Спереди на верхней части полотнища обычно помещалась *тугра* (персональный знак) султана. Подробнее см.: Амин Ахмад. Камус ал-‘адат ва-т-такалид ва-т-та‘бир ал-мисрийя (Словарь египетских нравов и обычаев). Ал-Кахира: Матба‘ат Ладжна ат-та‘лиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1953. С. 360, 391.

⁹ Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / Пер. с араб. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963. С. 511.

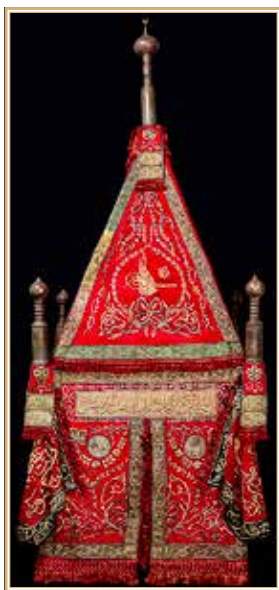
Амир ал-хадж египетского каравана на пути из Мекки в Медину.
Индийская миниатюра, между 1677 и 1680 г.

в разные периоды в Мекку отправляли 4 *махмала* — из Багдада, Халеба (Алеппо) (в османскую эпоху из Дамаска), Каира и Йемена.

Изготовление *махмала* поручалось искусным египетским ремесленникам, которые трудились над ним несколько месяцев в каирской Цитадели под контролем уполномоченного чиновника — *махмалдара*. Точно так же на протяжении столетий почетной обязанностью египетских профессиональных корпораций было производство *кисвы* — священного покрывала для главной святыни ислама Каабы. В Египте *кисву* начали изготавливать еще в VII в. при втором «праведном халифе» Умаре ибн ал-Хаттабе (634–644 гг.). Заведенная им традиция продолжилась при Аййубидах (1174–1250 гг.), мамлюках и османах. Готовый полог на Каабу переправлялся в Мекку с паломническим караваном под неусыпным надзором его предводителя — *амир ал-хаджа*. Лишь в 1927 г. по инициативе саудовского правителя Абд ал-Азиза (Ибн Сауда)¹⁰ производство *кисвы* перевели в Мекку.

Обязанности, ложившиеся на плечи *амир ал-хаджа*, были сколь многообразными, столь и непростыми. Он отвечал за комплектование и безопасность египетского паломнического каравана, обеспечивал сохранность *махмала*, *кисвы* и *суррат ал-харамайн* — денежных сумм, посылаемых в святыне места ислама во время хаджа. После утвержде-

¹⁰ Абд ал-Азиз (Ибн Сауд) (1875–1953) — эмир Неджда в 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза в 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

Махмал. Каир, Египет

ния османов на египетской земле выполнение почетных функций *амир ал-хаджа* возлагалось на представителей османской знати. Однако уже к началу XVII столетия права на этот престижный и доходный пост перешли к египетским мамлюкским эмирам, хорошо зарекомендовавшим себя перед Портой¹¹ в качестве умелых военачальников. К исходу XVIII в. должность *амир ал-хаджа* прочно заняла вторую позицию в египетской мамлюкской иерархии (после ее главы — *шайх ал-балада*) и гарантировала ее обладателю практически неограниченное могущество в одной из богатейших провинций Османской империи¹².

Будучи самым популярным паломническим маршрутом в доосманское время, поскольку он аккумулировал массы паломников из Магриба, центральных районов и восточного побережья Африки, с островов Занзибар и Мадагаскар, в османскую эпоху египетский *дарб ал-хадж* обрел соперника в лице сирийского паломнического пути, связывавшего по суше Стамбул с Меккой и Мединой. Однако это никоим образом не сказалось на его значимости и востребованности.

Приняв почетный титул «хранителей двух священных городов» (*худдам ал-харамайн аш-шарифайн*), османские султаны уделяли осо-

¹¹ Высокая Порта (араб. *ал-баб ал-‘али*) — наиболее часто использующееся наименование центрального аппарата власти Османской империи.

¹² Детали см.: Фахми Самира. Имара ал-хадж фи Миср ал-‘усманиййа, 923–1213 / 1517–1798 (Хадж в Османском Египте, 923–1213 по хиджре / 1517–1798). Ал-Кахира: ал-Хаййа ал-мисриййа ал-‘амма ли-л-китаб, 2001. С. 68–119.

бое внимание организации хаджа по обоим маршрутам. Они ощущали неотвратимую притягательность Мекки и Медины, поскольку контроль над священными городами ислама в международном плане служил им основанием для притязаний на духовную власть над всеми мусульманами-суннитами и для присвоения титула халифа. Не менее актуальным был внутривластный аспект «паломнической темы»: османскими падишахами хадж заслуженно воспринимался как важный механизм поддержания внутригосударственной стабильности, поскольку любые существенные проблемы при его подготовке и проведении могли вылиться в народные беспорядки¹³.

Понятно, почему османские правители неустанно пеклись о поддержании жизнедеятельности аравийских святых мест, задействовав для этого весомую часть ресурсов империи. При этом по устоявшейся традиции ключевая роль в безвозмездном снабжении священных городов всем необходимым отводилась Египетскому пашалыку¹⁴. Связи Египта и Аравии, апробированные почти тысячелетием, предопределили вполне четкие границы египетско-аравийского субрегиона, которые не нарушались в рамках любых государственных образований Ближнего Востока, в том числе и Османской империи. Именно «исламский фактор» играл первостепенную роль в поддержании жизнеспособности этого географического и политико-духовного образования. Не случайно Египет по причине его близости к Мекке и Медине пышно величали «вторым ключом к священной Каабе»¹⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о численности паломников, отправлявшихся в составе египетского каравана хаджа в земли Западной Аравии в XVIII в., отрывочны и с трудом поддаются верификации. Так, британский путешественник Ричард Покок (1704–1765) в своем «Описании Востока 1743 и 1745 гг.» определял число пилигримов, объединенных в египетский караван, в 40 тыс. человек¹⁶. Патриарх

¹³ См.: *Barbir K.K. Ottoman Rule in Damascus, 1708–1758*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 175–176; *The Hajj: Pilgrimage in Islam*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 102.

¹⁴ Пашалык — территория, управляемая пашой, здесь — провинция Османской империи.

¹⁵ *Наполеон*. Избранные произведения / Пер. с фр. М.: Воениздат, 1956. С. 619. Подробнее об уходящей в глубь веков теснейшей связи Египта и Аравии, которая была прежде всего основана на исламском факторе, см.: *Кириллина С.А., Родригес А.М.* Ислам в судьбах египетско-аравийского субрегиона (XVIII — первая треть XIX века). М.: Изд-во МГПУ им. В.И. Ленина, 1995. С. 74–107.

¹⁶ *Pococke R. A Description of the East and Some Other Countries*. 2 vols. Vol. 1. *Observations on Egypt*. London: Printed for the Author by W. Bowyer, 1743. P. 186.

Маршруты хаджа с Африканского континента

французских арабистов-османистов Андре Рэмон и его коллега Жан-Жозеф Брежон, говоря о конце XVIII в., предлагают ориентироваться на цифры от 30 до 40 тыс.¹⁷

Как выезд паломников из Каира, так и их возвращение из святых земель ислама обставлялись с необычайной торжественностью и пышностью. Ставший свидетелем отбытия каравана хаджа из египетской столицы шведский натуралист и врач Фредрик Хассельквист (1722–1752) назвал эту процессию «самым великолепным зрелищем, которое только можно наблюдать на Востоке»¹⁸. С ним солидаризировался польский литератор и путешественник Ян Потоцкий (1761–1815), для которого шествие каравана хаджа по каирским улицам также стало одним из самых незабываемых впечатлений, полученных во время посещения Египта в 1784 г.¹⁹ Неменьший восторг и воодушевление жителей Каира и его предместий вызывало прибытие каравана паломников. «Некоторые египтяне, — отмечал известный британский востоковед Э.У. Лэйн (1801–1876), наблюдавший караван пилигримов на подступах к Каиру, — выезжают... чтобы встретить своих друзей, возвращающихся после паломничества... Мно-

¹⁷ Raymond A. *Grandes villes arabes à l'époque ottomane*. Paris: Éditions Sindbad, 1985. P. 47; Bréjeon J.-J. *L'Égypte française au jour le jour 1798–1801*. Paris: Librairie Académique Perrin, 1991. P. 36.

¹⁸ Hasselquist F. *Voyages and Travels in the Levant in the Years 1749, 50, 51, 52 containing Observations in Natural History, Physick, Agriculture, and Commerce: Particularly on the Holy Land, and the Natural History of the Scriptures*. London: Printed for L. Davis and C. Reymers, 1766. P. 123.

¹⁹ Потоцкий Я. Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году / Пер. с фр. И.И. Кузнецовой // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 2. М.: Наука, 1985. С. 72–73.

гочисленные отряды всадников, которые движутся навстречу каравану с барабанами и трубами, чтобы встретить прибывших из святых мест друзей и сопровождать их при возвращении в столицу, образуют зрелище весьма волнующее»²⁰.

Начинавшийся в Каире маршрут египетского каравана хаджа проходил через Суэцкий перешеек, Синайский полуостров, порт 'Акаба до Мекки. Форпостами на этом пути служили крепости или укрепленные населенные пункты, где дислоцировались небольшие воинские гарнизоны. В них заранее доставлялось продовольствие и накапливались запасы питьевой воды.

Паломники последовательно двигались через расположенный в 20 км от Суэца населенный пункт Аджруд, через форт Нахл (местоположение — в центре Синайской пустыни на полпути от Суэца до 'Акабы), затем через 'Акабу, расположенную на северо-восточной оконечности Красного моря. Потом уже в пределах Аравии они перемещались в южном направлении через форт ал-Мувайлих на аравийском берегу Красного моря, находившийся примерно в 200 км южнее 'Акабы. Затем следовал один из узловых перевалочных пунктов каравана паломников на аравийской территории ал-Азлам, находившийся примерно на полпути от 'Акабы до Янбу и на полпути от Каира до Мекки, за ним ал-Ваджх — место остановки каравана на аравийском побережье Красного моря напротив египетского порта ал-Кусайр, а также порты Янбу и Джидда²¹. Миновав все эти населенные пункты, пилигримы, наконец, добирались до священных городов ислама²².

Альтернативой сухопутного маршрута из Египта в «колыбель ислама» служил морской — из Суэца до главного портового города Хиджаза — Джидды, которую прославленный немецкий путешественник XVIII в. Карстен Нибур метко окрестил «проходным двором паломников»²³. Некоторые партии богомольцев, собиравшиеся в Верхнем Египте, предпочитали добираться до Аравии, следуя по пустынной местности до египетского красноморского порта Кусайр, а оттуда морем в Джидду.

²⁰ Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. С. 341.

²¹ О ряде перечисленных населенных пунктов и их оснащенности для удовлетворения нужд пилигримов подробнее см.: Jomier J. Le machmal et la caravane égyptienne des pèlerins de la Mecque (XIII–XX siècles). Le Caire: Publications de l'Institut Français d'Archéologie du Caire, 1953. P. 180–187; 195–198.

²² Для удобства маршрут египетского каравана хаджа традиционно делили на четверти (*арба'*, ед.ч. *руб'*) (каждая протяженностью по 360–400 км): от Каира до 'Акабы, а затем до ал-Азлама, Янбу и Мекки.

²³ Niebuhr C. Voyage de m. Niebuhr en Arabie et en d'autres pays de l'Orient. 2 vols. Vol. 1. En Suisse: Libraires Associés, 1780. P. 147.

Египетский махмал на пути в Мекку. Эстамп, Германия, ок. 1880 г.

Оба варианта — морское путешествие и многодневный караванный поход — были для пилигримов испытаниями на грани человеческих возможностей. Опасностями грозило плавание по акватории Красного моря с его рифами, отмелями и подводными скалами²⁴. В то же время монотонное продвижение по плоскогорью Синайского полуострова и безлюдному засухливому побережью Аравии изматывало до предела, к чему добавлялась нестерпимая жара, если сезон хаджа приходился на знойные летние месяцы. Не случайно Хиджаз был прозван народом «страной солнечного удара» (*балад ал-бакла*). Отмеченная швейцарским исламоведом Адамом Мецем часто встречающаяся в жизнеописаниях средневековых паломников фраза «он умер во время хаджа»²⁵ постоянно возникает и в арабских летописях Нового времени.

Всё же многие пилигримы отдавали предпочтение сухопутному маршруту, руководствуясь зафиксированной в Коране установкой. Согласно аяту 27 суры 22 «ал-Хадж» («Паломничество»), Аллах наказывал Мухаммаду: «Возвести людям о хадже, и они будут прибывать к тебе пешком и на всех поджарых верблюдах с самых отдаленных дорог»²⁶.

Странствие в святые земли ислама с благой религиозной целью было сопряжено не только со значительными, порой непредвиденными расходами, но и с неизбежными опасностями, связанными с негативными

²⁴ См.: Крол А.А. Маршруты хаджа из Египта в Хиджаз через Восточную пустыню и порт Айзаб в IX–XV вв. // Восток (Oriens). 2018. № 2. С. 20–31.

²⁵ Мец А. Мусульманский Ренессанс/ Пер. с нем. Д.Е. Бертельса. 2-е изд. М.: Наука, 1973. С. 259.

²⁶ Коран/ Пер. смыслов и коммент. Э.Р. Кулиева. М.: Издательский дом «Умма», 2004.

факторами, которые деструктивно влияли на хадж. Бичом паломников были эпидемии, обрушивавшиеся на Хиджаз и прилегающие территории с завидной регулярностью. Более или менее интенсивные вспышки острых инфекционных заболеваний, в том числе чумы и холеры, происходили в Западной Аравии чуть ли не ежегодно и уносили тысячи жизней. Неменьшие беды приносили поражавшие паломнический караван эпизоотии. Так, массовый падеж верблюдов во время хаджа 1708/09 г. привел к тому, что многие пилигримы с превеликим трудом добрались до Египта, застревая по пути и бросая свои пожитки²⁷.

Непредсказуемыми последствиями были чреватые контакты с кочевниками, контролировавшими аравийские отрезки *дарб ал-хаджа*. Во избежание нежелательных инцидентов Порты и местные османские власти установили систему выплаты вождям бедуинских племен значительных сумм за право беспрепятственного прохода караванов по ареалам их кочевий²⁸. Однако щедрые дары с целью сдерживания беспредела бедуинской вольницы не всегда служили залогом успешного хаджа. Всё же трагические инциденты, связанные с грабительскими набегами номадов на караваны хаджа, чаще всего случались по причине невыплаты денег за протекцию или непогашение соответствующих неустоек, что в XVIII в. происходило с достаточной регулярностью²⁹.

Хотя возможности воинских гарнизонов, дислоцированных в крепостях (*хисар*) и укрепленных населенных пунктах, расположенных на всем протяжении *дарб ал-хаджа*, по отражению нападения номадов были ограничены³⁰, сыны пустыни предпочитали заставать паломников

²⁷ *Al-Damurdashi Ahmad Katkhuda Azaban*. Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt 1688–1755. Al-Durra al-Musana fi Akhbar al-Kinana (The Protected Pearl in the History of Egypt). Transl. and annotated by D. Crecelius and Abd al-Wahhab Bakr. Leiden; New York: E.J. Brill, 1991. P. 136–137.

²⁸ На начало XIX в., по свидетельству швейцарского исследователя Ближнего Востока И.А. Буркхардта (1784–1817), они ежегодно составляли 50–60 тыс. ф.ст. (*Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys collected during His Travels in the East*. 2 vols. London: H. Colburn and R. Bentley, 1831. Vol. 1. P. 194; Vol. 2. P. 9, 34).

²⁹ См., напр.: *Al-Damurdashi Ahmad Katkhuda Azaban*. Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt. С. 359; *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер. с араб. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978. С. 212–214.

³⁰ Вот как описывал один из опорных пунктов на египетском маршруте хаджа — порт Янбу английский капеллан Джон Овингтон (1653–1731): «Фортификационные сооружения города служат более для того, чтобы пресекать мелкие проявления дерзости и наглости аравитян, чем для защиты от мощного и воинственного противника» (*The Red Sea and Adjacent Countries at the Close of the Seventeenth Century as described by Joseph Pitts, William Daniel and Charles Jacques Poncet*. Ed. by W. Foster. London: Printed for the Hakluyt Society, 1949. P. 180).

врасплох в пустынной местности, устраивая засады в самых неожиданных местах.

Защиту каравана хаджа от бедуинской угрозы мог обеспечить боеспособный подконтрольный *амир ал-хаджу* воинский эскорт во главе с военачальником — *сердаром*, что на поверку не гарантировало благополучный исход стычки с бедуинами. При всех сопутствующих обстоятельствах каждая успешная атака на караван хаджа и захват имущества паломников в качестве «законной» компенсации за невыплаченные дотации «за гарантию безопасности» представляли собой ощутимый удар по устоям османской государственности и ущемляли престиж полномочных представителей властных структур, ответственных за безопасность жизни и собственности султанских подданных.

В Египте на связанные с организацией и проведением хаджа масштабные мероприятия пагубно влияли те занимавшие пост *амир ал-хаджа* мамлюкские предводители, чьи личные выгоды и безудержное стремление к обогащению зачастую превалировали над «священными обязательствами веры» и общегосударственными интересами. Пользуясь отсутствием действенного контроля со стороны османских наместников (*вали*), они нередко с головой погружались в нескончаемые интриги и борьбу со своими политическими соперниками или предпочитали предаваться праздности в ущерб своим обязанностям. Таким образом, именно «паломническая проблема» наиболее явственно высветила многие пороки и изъяны властных структур Египетского пашалыка.

На излете XVIII столетия на смену «мамлюкскому фактору» пришел не менее губительный «фактор внешнего вторжения» в лице восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.). Развертывание французами военных операций в Египте и Сирии, так же как и превращение Аравии в арену затяжных вооруженных столкновений, спровоцированных Саудидами³¹, самым неблагоприятным образом сказывались на паломничестве в «колыбель ислама». Во время сирийского похода Бонапарта (февраль–май 1799 г.), сопровождавшегося оккупацией Синая, египетский *дарб ал-хадж* на участке Суэц–Акаба был полностью блокирован. В этой патовой ситуации вряд ли кто-либо мог отважиться отправиться в паломничество, опасаясь стать жертвой кровопролитий, быть обо-

³¹ На рубеже XVIII–XIX вв. хадж встал перед лицом ваххабитской угрозы. Разрушительная как в политико-идеологическом, так и экономическом плане изоляционистская политика Саудилов, направленная на ограничение паломничества в святые земли ислама, привела к тому, что в начале XIX столетия доступ в Аравию крупных партий паломников из османских владений был закрыт.

бренным французскими солдатами, опальными мамлюками или бесчинствующими бедуинами и вернуться домой на пепелище. В результате в период французской экспедиции в Египет *дарб ал-хадж ал-мисрий* так и остался практически невостребованным³².

Таким образом, хадж не только представлял собой одно из кульминационных событий в жизни мусульман, но и выступал в качестве барометра, мгновенно реагиовавшего на соотношение сил и пертурбации в исламском и, более конкретно, арабо-османском мире и отражавшего уровень дееспособности властителей всех мастей в вопросах организации управления подвластных им территорий.

Обращаясь к идейно-культурному аспекту хаджа, следует особо подчеркнуть, что установление контроля властей над ключевыми паломническими маршрутами, в том числе над египетским, служило делу идеологического единения всемирного сообщества мусульман — *уммы*.

Унаследованный османами от классической эпохи ислама культ знаний, выступавший в роли катализатора феномена «путешествия в поисках знаний» (*рихла фи талаб ал-'илм*), и воспринятая ими от их предшественников — мамлюков-бурджитов и впоследствии усовершенствованная система интенсивного культурно-интеллектуального взаимодействия предстают перед нами в качестве действенного фактора идейного сплочения последователей ислама. В этом отношении значимость паломнических путей — *дуруб ал-хадж* — как важнейших составляющих инфраструктуры интеллектуального обмена в арабо-османском мире трудно переоценить. На пути в святые земли ислама пилигримы охотно посещали центры учености. В *мадрасах*³³, расположенных на *дарб ал-хадже*, им предоставлялась прекрасная возможность заниматься благочестивыми религиозными науками, готовясь к главному событию в жизни.

Нередко пилигримы из числа '*улама*'³⁴ приезжали в исходную точку египетского каравана хаджа — Каир — заблаговременно, порой за год до планируемого паломничества, чтобы с пользой для себя провести это время. Для повышения культурно-образовательного уровня они посещали лекции видных ученых в главной схоластической академии

³² См.: Ал-Джабарты Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер. с араб. И.М. Фильштинского. М.: Наука, 1962. С. 182, 294; Jomier J. Le machmal et la caravane égyptienne des pèlerins de la Mecque. P. 139–141.

³³ *Мадраса* (араб.; тур. *медресе*) — мусульманское духовное училище.

³⁴ '*Улама*' (ед.ч. '*алим*') — мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.

Караван хаджа отбывает из Каира в Мекку. Иллюстрация к: *Troisième voyage du sieur Paul Lucas, fait en 1714. Vol. 3. Rouen, 1719.*

Египта — ал-Азхаре³⁵ и других учебных заведений высшего звена, пользовавшихся заслуженной славой в османскую эпоху. Они охотно делились опытом и знаниями со своими собратьями — теологами, законоведами, наставниками молодой поросли, сами вели занятия в *мадрасах* или инициировали ученые дискуссии, расширяя круг своих единомышленников, для взаимного подтверждения уровня профессиональной компетентности обменивались *иджазами* (дипломами, дающими право на преподавание определенного трактата, учения или дисциплины). На книжных рынках споро шла торговля новинками и редкими старинными рукописями, которые пополняли личные библиотечные собрания паломников.

Уже добравшись до аравийских святынь и совершив обряд хаджа, высокообразованные паломники могли надолго оставаться в Мекке или Медине, примыкая к сообществу хиджазских служителей ислама и внося посильный вклад в их многогранную деятельность. Вся эта мыслительная активность, несомненно, содействовала свободной миграции идей и плодотворности интеллектуального взаимодействия. Таким образом, сохранялась традиция путешествия в поисках знания, когда путешественник выступал одновременно в двух ипостасях — и как учитель, и как ученик, а сам хадж способствовал формированию разветвленной сети контактов между выходцами из различных частей мира ислама.

По пути в святые земли ислама и обратно, параллельно с совершением *рихли* — «путешествия в поисках знания» паломники стремились

³⁵ Построенный в конце правления фатимидского халифа ал-Му'изза (953–975 гг.) и первоначально готовивший пропагандистов шиизма, в XII в. при Аййубидах ал-Азхар превратился в суннитскую академию, за которой закрепился высокий статус «кузницы кадров» для многих государств мусульманского мира и «хранителя схоластической учености и оплота суннитского ислама».

насладиться природными и рукотворными красотами, осмотреть исторические достопримечательности (что определяется термином *сийа-ха*³⁶), а также поклониться святыням ислама, в том числе захоронениям мусульманских «святых» (*аулийа*) для снискания «божественной благодати» — *бараки* (что вписывается в понятие *зийара*), даже если это вело к изменению устоявшегося паломнического пути.

Хотя традиционный маршрут египетского каравана хаджа пролегал через Синайский полуостров, где находится одна из важнейших точек сакральной географии Ближнего Востока — не раз упомянутая в Коране гора Синай³⁷, проход через его пустынную гористую местность был настолько изнурительным, что гора Моисея из египетского *дарб ал-хаджа* была исключена. Тем не менее время от времени паломники решались отделиться от основного шествия богомольцев и совершить на свой страх и риск марш-бросок до горы Моисея. В этом случае смельчаки могли достичь священной горы за полутора суток, двигаясь напрямую из 'Акабы. К числу таких храбрецов относился неутомимый турецкий путешественник Эвлия Челеби (1611–1682), который, по его словам, самостоятельно добрался до Синайской горы, откуда вернулся в Суэц, где влился в египетский караван хаджа³⁸.

Таким образом, вокруг хаджа в зависимости от культурных предпочтений и идейных устремлений, финансовых возможностей и социального статуса того или иного паломника могли группироваться другие типы странствий, как то *рихла*, *сийаха* и *зийара*. Их синтез, который произошел задолго до воцарения династии Османов на Ближнем Востоке, как совершенно справедливо отмечает Н.Р. Краюшкин (Волькенштейн), «в османский период работал, как отлаженный механизм, и способствовал более глубокому погружению паломников в культуру и историю ислама, ... [что] позволяло институту хаджа эффективно выполнять традиционные для него функции по сплочению и просвещению мусульманской общины»³⁹.

³⁶ Араб. путешествие, в современном прочтении — туризм.

³⁷ Гора Синай (*тур Сина*), или гора Моисея (*джабал Муса*) — гора на юге Синайского полуострова, почитаемая приверженцами трех монотеистических религий, в том числе ислама, числящего пророка Мусу (Моисея), которому Аллахом было ниспослано Священное Писание — *Таура* (Тора, Пятикнижие), одним из «стойких» пророков (*улу-л-‘азм*, араб. твердые духом).

³⁸ An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi. Transl. by R. Dankoff and S. Kim. London: Eland, 2011. P. 351.

³⁹ Краюшкин Н.Р. Система культурно-интеллектуального обмена в арабо-мусульманском мире XVII — начала XVIII в. С. 196.

Возвращение каравана хаджа в Каир. Немецкая гравюра с картины
 К.Е. Маковского «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир» (1876 г.)

На протяжении столетий, в том числе при османах, *дарь ал-хадж ал-мисрий* совершенствовался и модернизировался. На траектории продвижения паломников появлялись новые места для отдыха и водопоя, ремонтировались и расширялись старые. Некоторые стоянки на пути хаджа представляли собой укрепленные пункты с крепостными сооружениями, защитными и сигнальными башнями, каменными водотоками, колодцами и резервуарами (*бирак*, ед.ч. *бирка*) с питьевой водой, небольшими мечетями, постоялыми дворами — *ханами*, загонами для животных, складами и рынками. В сезон хаджа они трансформировались в бурлящие жизнью процветающие селения.

Однако с развитием и модификацией современной инфраструктуры традиционные «паломнические тропы» стали неминуемо приходить в упадок. Заброшенные бастионы, казармы, караван-сарай, каменные цистерны для питьевой воды и иные строения в местах стоянок египетского каравана хаджа постепенно превратились из утилитарных построек в памятники истории и объекты изучения археологов, специалистов по материальной культуре и экспертов по архитектуре, а фотографии и планы полуразрушенных фортов переключались на страницы научных публикаций, альбомов и путеводителей.

REFERENCES

1. *Amin Ahmed*. Dictionary of Egyptian Customs, Traditions and Expressions [Qamus al-‘Adat wa al-Taqalid wa al-Ta‘bir al-Misriyya]. Cairo: Matba‘at Lajnat al-Ta‘lif wa al-Tarjama wa al-Nashr, 1953. 363 p. (in Arabic).
2. *An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi*. Transl. by R. Dankoff and S. Kim. London: Eland, 2011. 520 p.
3. *Barbir K.K.* Ottoman Rule in Damascus, 1708–1758. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. 235 p.
4. *Brégeon J.-J.* L’Égypte française au jour le jour 1798–1801. Paris: Librairie Academique Perrin, 1991. 442 p.
5. *Burckhardt J.L.* Notes on the Bedouins and Wahábys collected during His Travels in the East. 2 vols. London: H. Colburn and R. Bentley, 1831. 382; 391 p.
6. *Al-Damurdashi Ahmad Katkhuda Azaban*. Al-Damurdashi’s Chronicle of Egypt 1688–1755. Al-Durra al-Musana fi Akhbar al-Kinana (The Protected Pearl in the History of Egypt). Transl. and annotated by D. Crecelius and Abd al-Wahhab Bakr. Leiden; New York: E.J. Brill, 1991. 399 p.
7. *Fahmi Samira*. Imarat al-Hajj fi Misr al-‘Uthmaniyya, 923–1213 / 1517–1798 (The Hajj Mission in Ottoman Egypt, 923–1213 AH / 1517–1798). Cairo: Al-Hayy’a al-Misriyya al-‘Amma li al-Kitab, 2001. 436 p. (in Arabic).
8. *Hasselquist F.* Voyages and Travels in the Levant in the Years 1749, 50, 51, 52 containing Observations in Natural History, Physick, Agriculture, and Commerce: Particularly on the Holy Land, and the Natural History of the Scriptures. London: Printed for L. Davis and C. Reymers, 1766. 456 p.
9. *Al-Jabarti Abd al-Rahman*. Egypt before Bonaparte’s Expedition (1776–1798) [Egipet v kanun jekspedicii Bonaparta (1776–1798)]. Transl. from Arabic by H.I. Kilberg. Moscow: Nauka, 1978. 498 p. (in Russ.).
10. *Al-Jabarti Abd al-Rahman*. Egypt during the Expedition of Bonaparte (1798–1801) [Egipet v period jekspedicii Bonaparta (1798–1801)]. Transl. from Arabic by I.M. Filshtinsky. Moscow: Nauka, 1962. 539 p. (in Russ.).

11. *Al-Jabarti Abd al-Rahman*. Egypt under the Rule of Muhammad Ali (1806–1821) [Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821)]. Transl. from Arabic by H.I. Kilberg. Moscow: Nauka, 1963. 790 p. (in Russ.).
12. *Jomier J.* Le machmal et la caravane égyptienne des pèlerins de la Mecque (XIII–XX siècles). Le Caire: Publications de l'Institut Français d'Archéologie du Caire, 1953. 240 p.
13. *Kirillina S.A., Rodrigues A.M.* Islam in the Fate of the Egyptian-Arabian Subregion (18th — First Decades of the 19th Century) [Islam v sud'bah egipetsko-aravijskogo subregiona (XVIII — pervaja tret' XIX veka)]. Moscow: Izdatel'stvo MGPU imeni V.I. Lenina, 1995. 194 p. (in Russ.).
14. Qur'an. Translation of Meanings and Comments by E.R. Quliyev [Koran. Perevod smyslov i kommentarii E.R. Quliyeva]. Moscow: Printing House «Umma», 2004. 798 p. (in Russ.).
15. *Krajushkin N.R.* The System of Cultural and Intellectual Exchange in the Arab-Muslim World of the 17th — Early 18th Centuries (based on the Legacy of 'Abdal-Ghaniel-Nablusi) [Sistema kul'turno-intellektual'nogo obmena v arabo-musul'manskom mire XVII — nachala XVIII v. (na primere tvorchestva 'Abd al-Gani an-Nablusi)]. PhD Thesis (History). Moscow, 2020. 249 p. (in Russ.).
16. *Krol A.A.* Hajj Routes from Egypt to Hijaz through the Eastern Desert and the Port of Ajzab in the 9th–15th centuries [Marshruty hadzha iz Egipta v Hidzhaz cherez Vostochnuju pustynju i port Ajzab v IX–XV vv.] // Vostok (Oriens). 2018. № 2. P. 20–31 (in Russ.).
17. *Lane E.W.* Manners and Customs of the Egyptians in the First Half of the 19th Century [Navy i obychai egiptjan v pervoj polovine XIX veka]. Transl. from English by A.S. Rapoport. Moscow: Nauka, 1982. 436 p. (in Russ.).
18. *Mez A.* Renaissance of Islam [Musul'manskij Renessans]. Transl. from German by D.E. Bertels. Second edition. Moscow: Nauka, 1973. 476 p. (in Russ.).
19. *Napoleon.* Selected works [Izbrannye proizvedenija]. Transl. from French. Moscow: Voenizdat, 1956. 778 p. (in Russ.).
20. *Niebuhr C.* Voyage de m. Niebuhr en Arabie et en d'autres pays de l'Orient. 2 vols. Vol. 1. En Suisse: Libraires Associés, 1780. 464 p.
21. *Pococke R.* A Description of the East and Some Other Countries. 2 vols. Vol. 1. Observations on Egypt. London: Printed for the Author by W. Bowyer, 1743. 310 p.
22. *Potocki J.* A Trip to Turkey and Egypt, made in 1784 [Puteshestvie v Turciju i Egipt, sovershennoe v 1784 godu]. Transl. from French by

- I.I. Kuznetsova // East–West. Researches. Translations. Publications [Vostok — Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii]. Issue 2. Moscow: Nauka, 1985. P. 35–82.
23. *Raymond A.* Grandes villes arabes à l'époque ottomane. Paris: Éditions Sindbad, 1985. 389 p.
24. *Ruggles D.F.* Tree of Pearls: The Extraordinary Architectural Patronage of the 13th-Century Egyptian Slave-Queen Shajar al-Durr. Oxford: Oxford University Press, 2020. 204 p.
25. The Hajj: Pilgrimage in Islam/ Ed. by E. Tagliacozzo, Sh.M. Toorawa. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 358 p.
26. The Red Sea and Adjacent Countries at the Close of the Seventeenth Century as described by Joseph Pitts, William Daniel and Charles Jacques Poncet/ Ed. by W. Foster. London: Printed for the Hakluyt Society, 1949. 192 p.

Ключевые слова:

Османская империя, Египет, хадж, паломнический путь.

Svetlana A. Kirillina

EGYPTIAN PILGRIMAGE ROUTE (DARB AL-HAJJ AL-MISRIY). A KEY LINK IN THE SACRED GEOGRAPHY OF THE ISLAMIC WORLD (17th–18th CENTURIES)

In the Middle Ages, the Islamic world developed an extensive network of pilgrimage routes to the holy lands of Arabia. The Egyptian Hajj caravan route played a special role, drawing large numbers of pilgrims from the Maghreb, central regions, and the eastern coast of Africa. It traversed the Isthmus of Suez, the Sinai Peninsula, and the port of Aqaba en route to Mecca. As the most popular pilgrimage route in the pre-Ottoman era, the darb al-hajj al-misriy remained significant and in high demand during the Ottoman period. In Egypt, as in other parts of the Arab-Ottoman world, the institution of pilgrimage and its various associated activities demonstrated the effectiveness of local governance. Moreover, the Ottoman sultans' control over key pilgrimage routes, including the Egyptian one, reinforced the ideological unity of the Muslim community, the Ummah.

Under the Ottomans, the darb Al-Hajj Al-Misriy was improved and modernized. New rest stops and watering spots emerged along the pilgrims' route, while old ones were renovated and expanded. Key stops on the Hajj route featured fortified posts with defensive and signal towers, wells, stone water reservoirs, small mosques, inns (khans), animal pens, warehouses, and markets. However, with the development and modification of modern infrastructure, traditional «pilgrimage trails» inevitably began to decline, gradually transforming into historical monuments.

Key Words: Ottoman Empire, Egypt, Hajj, Pilgrimage Route.

Svetlana A. Kirillina — D.Sc. (History), Professor, Head of Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории
стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова